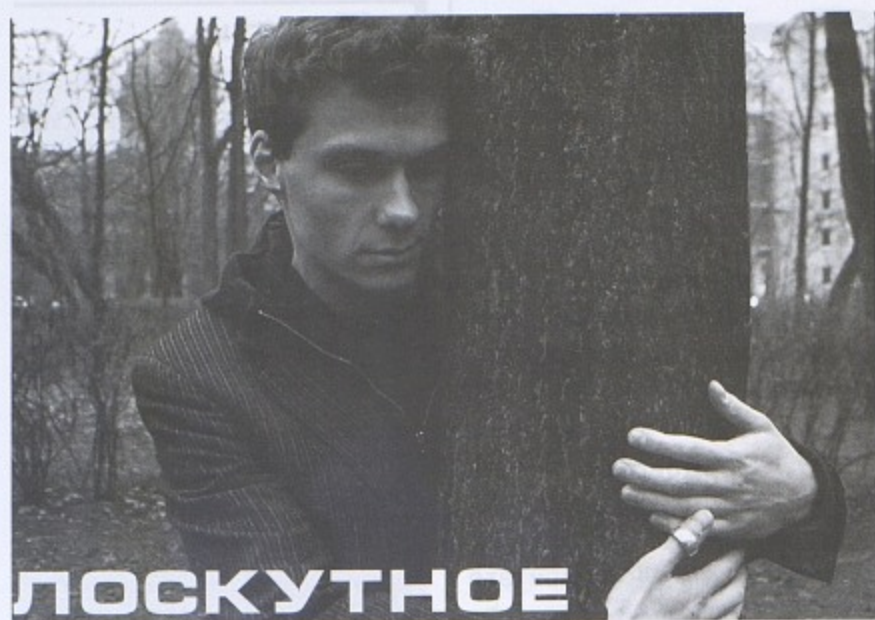

УТРО В БОЛОН

ЗАЧЕМ НАМ БОЛОНСКИЙ
КОТОРЫЙ ОЛОСКУТНОЕ
ОДЕЯЛО НАШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ

Система образования бросает все свои силы на то, чтобы изменить самую себя полностью. Для этого нужно обеспечить технические средства – раз, переписать методическое обеспечение – два, обновить или усовершенствовать педагогические кадры – три. То есть, снести старое и построить новое.

А все потому, что старое устарело морально. Для чего это нужно? Помимо дипломов европейского образца, говорят, нас научат учиться, сделают гибкими специалистами. Но, позвольте, разве старый фундаментальный академизм не давал нам подобных плодов? Далеко не все выпускники советской высшей школы работают по той специальности, которую в ней получили. Переучивались сами. Второе высшее для таких людей – как сахар по вкусу. Впрочем, есть и когорта закоснелых выпускников, которые не могут переучиться в один момент, получив слишком узкое образование, основанное на строгих знаниях. Тем не менее, вопрос о способности к самообразованию появился недавно. Раньше эта способность воспринималась как побочный продукт фундаментального образования и как обязательное условие для его успешного завершения. Теперь, видимо,

она куда-то делась. Может быть, ее убрали из школьной программы?

В Болонский процесс должна вступать не одна высшая школа, младшую и среднюю в связи с этим тоже хорошо бы обновить и усовершенствовать. А заодно и дошкольным образованием заняться. И так по всей России.

Иначе Болонская система в России рискует превратиться в нечто неполноценное.

Но несмотря на сомнения, дело нужно закончить и, что главное, закончить с умом. А в этом и заключается у нас основная проблема. Мы накопили достаточное количество аргументов в пользу внедрения модульной системы образования. Но негативных нюансов становится все больше, и именно их надо будет подгонять под наш уклад. Имеется в виду адекватность новой системы оценок учебным планам, проблема «двухдипломности» высшего образования, принятие тьюторства и дистантной работы

преподавателями и т.д. Многого зависит от грамотного управления и от поддержки запущенного процесса на всех уровнях.

Еще один аспект любой системы образования: она должна готовить кадры для самой себя, то есть определенный процент подготовленных профессионалов должен оставаться работать в рамках этой системы для того, чтобы готовить новых специалистов. И составлять этот процент должны лучшие люди. Если бы их утечка не была допущена в те трудные постсоветские времена, сейчас вряд ли пришлось бы говорить о какой-либо кардинальной (почти революционной) реформе. Система способна мягко и вовремя изменить сама себя, без потерь. Теперь важнейшей задачей видится привлечение в помощь свежих специалистов, не только талантливых и гибких, но и эксклюзивных, способных выполнять функции кризис-менеджера в образовании.

blackbook.pdf). Книга создана на основании материалов, представленных студентами из 31 страны-участницы процесса, включая Италию, Францию, Великобританию. В ней перечисляются многочисленные провалы реформы. Здесь идет речь о неэффективности кредитной системы, о проблемах со структурой бакалавриата-магистратуры, о недоступности мобильности. Становится очевидным, что все новое и привлекательное в Болонской системе, во-первых, на практике оказалось абсолютно недееспособным, во-вторых, успело «заразить» этой недееспособ-

ностью традиционно сильные стороны высшего образования. Представьте себе, каким ощутимым должно быть падение качества образования, если на него жалуются не только преподаватели, но и студенты, «стажеры» в преподавательском деле у которых не слишком велик.

А что такое автономность вузов? Как может быть вуз независим от государства как в финансовом, так и в плане образовательных решений?

И вообще, глобализация давно в действии. Уже дошла очередь и до системы образования.

Болонский процесс: первые жертвы

НА БОЛО

«ПРОЦЕСС». В ДУХЕ КАФКИ

Есть на Руси две поговорки, хорошо отражающие сегодняшнюю ситуацию: «не пускают в дверь – зайдем через окно» – в Европу, и «коли начали рубить лес, то щепки полетят».

«Болонский процесс» – именно под таким названием реформа российского высшего образования нашла отклик в бескрайних сетях Runeta. И, видимо, не зря говорят, что имя определяет судьбу. Все происходящее напоминает произведение в духе Кафки. Пока в крупных вузах сторонники и противники «нововведений» ломают копья, вердикт уже вынесен; а стоит ли цель средств и что она несет нам, простым смертным, понятно пока мало.

Одна из основных целей реформы – открытие границ, по данным интернет-опроса, у подавляющего большинства сегодняшних студентов, 65%, интереса не вызывает, в отличие от ситуации на рынке труда, где «диплом будущего», со степенью бакалавра, уже практически не котировается. Продолжение же обучения в магистратуре, которая, не будем забывать, в той же Европе, образовательная ступень скорее элитарная, нежели массовая, связано со многими затруднениями, не в последнем числе – экономическими.

Нельзя обойти и проблему нашей средней школы, которая даже на настоящий момент времени не отвечает большинству выдвигаемых перед ней вузами требований. Каким образом и в какие сроки будет проходить модернизация здесь – ответа нет.

И, наконец, реформация, призванная повысить качество российского образования, по идее, вначале должна коснуться содержательной стороны учебного процесса. То же, что пока происходит в «новообращенных» университетах и институтах, наводит на мысль, что очередное окно в Европу будет лишь новым окном, поставленным в традиционной русской избе.

За последние несколько лет многие вузы страны присоединились к общеевропейской системе высшего образования. Уже выпущены первые бакалавры и магистры, и можно делать предварительные выводы о вступлении России в Болонский процесс.

Как и следовало ожидать, европейская система на российской почве претерпевает слишком значительные изменения. Очевидным результатом нововведений стало снижение качества высшего образования. Нынешние бакалавры и магистры

явно «не дотягивают» до уровня специалистов прошлых лет. Именно благодаря этому активно обсуждается статус каждой ступени новой модели обучения. Если пару лет назад к диплому бакалавра с недоверием относились только потенциальные работодатели, то сейчас многие законодатели считают нужным придать бакалавриату статус неполного высшего образования. Напомним, что в Европе бака-

СКОМ ЛЕСУ

ПРОЦЕСС, ТВЕРГ ЗАПАД!

Бакалавры, магистры, — это только красивые слова. Нас решили поманить блестящим фантиком. Посчитали, что студенты равнодушны к своему прошлому, настоящему и будущему. Но забыли главное! В головах студентов еще пока остается наш, российский менталитет. Кстати, именно он и покажет Болонскому процессу знак, который можно увидеть на любой трансформаторной будке: «Не влезай, убьет!»

Хотел бы отметить еще один факт: «У всех нас — студентов, есть родители, которые получили качественное, классическое среднее или высшее образова-

ние, собственно, за что им можно и позавидовать! А мы их дети. Короче, без прошлого нет будущего. И так ли все плохо было в прошлом, если в начале перестройки наших программистов без болонского диплома принимал Запад за 20 тысяч долларов в год.

Пусть нам докажут, что Болонская система, которую не понимает ее же создательница Европа, лучше нашей российской системы образования. И пусть Европа поучится по этой системе. А мы поглядим — увидим. Может, и присоединимся к ним, потом, лет через пять-десять. Или они к нам.

НЬЮ НАДЕЙСЯ

лавриат всегда считался полноценным высшим образованием, а магистратура является лишь следующей ступенью повышения квалификации.

Стоит задуматься о студентах, которые, принимая решения поступать в тот или иной ВУЗ, очевидно, планировали количество лет, в этом учебном заведении проведенных. И вряд ли кто-то из них был готов получить диплом «неполного высшего», прочув-

шись в университете 4 года.

Большие сомнения вызывает и практическая реализация Болонской конвенции в вузах нашей страны. Далеко не все преподаватели готовы расстаться с многолетней, проверенной и традиционной для России системой выставления зачетов и проведения экзаменов. И, что еще хуже, далеко не все руководители университетов считают нужным бороться с подобными привязанностями к старым методам.

Россия делает только первые шаги навстречу общему с Европой образовательному пространству, и какой бы светлой не виделась перспектива признания наших дипломов за границей, нельзя закрывать глаза на те разрушения, которые этой перспективой вызваны.

ОБРАЗОВАНИЕ В США: СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ СКУЛЬПТОРА

25 сентября 2006 года на факультете изобразительного искусства состоялось необычное выступление магистра Луиса Колбурна (штат Нью-Йорк).

Парадокс, который заставил слушать человека, говорящего по-русски, но думающего по-американски, именно по-американски, так как художественное, культурное мышление: английское и американское — это две области знаний, одна из которых хранит весь предыдущий опыт, а другая стремится ко всему новому, инновационному.

В данном случае речь пойдет не о различиях английского и американского высшего образования, а о проблеме, которая сейчас как никогда актуальна для нашего студента. Существуют различные мнения и взгляды на систему в образовании на Западе и Востоке. Но факт в том, что все чаще мы замечаем в стенах нашего университета иностранных студентов, а порой и преподавателей — значит не все так идеально и у них, и у нас.

Могу лишь представить на ваш суд выступление Луиса Колбурна, обучение которого идет по программе «скульптура» в магистратуре.

Итак, парадокс, который заставил обратить внимание на простого магистра штата Нью-Йорк, отношение к которому в среде академических художников было достаточно предвзятым.

Он зашел в аудиторию, представился, объявил тему и спустя мгновение уже стоял перед нами в ярко-оранжевом комбинезоне, словно спецработник. И это был сигнал к перевоплощению. Подобные рабочие всегда привлекают наше внимание. И Луис не ошибся, кроме него в идеально белом помещении лекционной аудитории сложно было остановить свой взгляд на чем-либо другом. Единственный объект и около восьмидесяти слушателей, которые желают понять и, возможно, принять.

Ступенчатая форма обучения: школа, колледж, вуз — то, что нам известно. Но это оказывается лишь пустой информацией, как рождение, зрелость и уход из жизни. А содержание нам не известно.

Существуют два направления

в образовании скульптора: изобразительное искусство и общее гуманитарное образование. (Включает искусствознание, культурологию, философию, музееведение, теорию графики, живописи, скульптуры, истории искусств и многие другие области. Над этим нашему студенту приходится корпеть на общих факультетах изобразительного искусства, особенно в первые два года обучения.) А что там? В первом случае много практики. Во втором — отличные теоретические знания, которые требуются только при работе в науке. И достаточно спорны творческие работы на практике в материале теоретиков. В магистратуре, соответственно, нет смысла продолжать обучение всему потоку на факультете, так как основные практические навыки и знания для саморазвития и образования студент уже получил и может самостоятельно отправляться в мир профессии. Кроме того, образование — это дорогостоящий процесс. (Как и у нас.) Но западная система делает некий «презент» для особо талантливых: предоставляет индивидуальную мастерскую, все ресурсы кафедры, факультета и университета для продолжения работы на пятый год, который оплачивает государство или университет.

Важным замечанием является следующее — образование бакалавра, как в колледже, так и в вузе, является высшим. И этого достаточно для того, чтобы быть специалистом и выполнять требуемую работу.

По окончании университета Луису помещение для персональной выставки. После чего все работы «сжигаются в общем костре на заднем дворе». (Очень спорно для нашего подхода в обучении изобразительному искусству, при котором вся живопись и графика хранятся десятилетиями в методических кабинетах.) Данная выставка представляет собой комплекс работ за два, а порой за три или четыре года. (Многие учебные заведения считают, что для подготовки достаточно и трех лет.) Но важнейшее отличие: вся теория и

наука преподносятся нашему студенту на первом курсе, а их — только в магистратуре, при условии, что студент решил заняться научной деятельностью.

От аудитории прозвучали следующие вопросы:

— **ИЗО.** В нашем понимании ваши мысли о красоте нетрадиционны. Как вы думаете, искусство для красоты, как музыка для слуха?

— **Л.К.** Меня и американцев привлекает концептуальное искусство. Интересно то, что есть сейчас. Есть — значит важно. И безразлично, прекрасно оно или нет. Если есть — значит, кого-то увлекло; соответственно, значимо. Не хочу делать искусство на простом уровне. То есть для всех.

— **ИЗО.** А вы думаете, искусство, которое нужно объяснять — это искусство?

— **Л.К.** Русские утверждают, что если художник много говорит, то он не может сказать все в своем творчестве. У нас абсолютно другое понимание данного процесса.

У нас культуры различны, искусство, возможно, полярно. Западная модель предполагает практику, наша — теории и истории. Но считаю возможным найти в образовании «золотую середину», ведь это цель качественного образования. Создать пути для решения актуальных проблем в обучении и образовании на границе различных направлений. Сейчас рождаются совершенно новые науки на границе двух традиционных. Может быть, в этом и будет заключаться новаторство данного совместного опыта в образовании Востока и Запада.

Разворот подготовили студенты РГПУ им. А.И. Герцена: **Нина ГАБРИЕЛЯН, Ольга МАКАРОВА, Софья ЗАОЗЕРОВА, Михаил КОНТОНОВ, Татьяна КРАСНОВА**

Материал оформлен фотографиями **Константина ГОЛОМАЗОВА**